

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.09
DOI 10.46698/VNC.2023.34.74.001

Т.Т. Техов

И смешна наша жизнь, и грустна... (О трагикомическом в творчестве Сергея Хугаева)

Тамерлан Таймуразович Техов

Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Мах дуг» («Наша эпоха»), редактор отдела критики и публицистики, кандидат филологических наук, Владикавказ, Россия, tehtam@mail.ru

Аннотация. Народный писатель Осетии Сергей Хугаев внес достойный вклад в осетинскую литературу. В статье, приуроченной к 90-летию юбилею классика современной осетинской литературы, анализируются образцы его сатирико-юмористических рассказов. Обличение пороков общества в них актуально и близко современнику благодаря различным художественным приемам, неординарному подходу автора к той или иной проблеме. Обращает на себя внимание и философское осмысление действительности через призму обрисовки малозначимых, как может показаться, картин быта, штрихов в характере персонажей, превращающих жизнь общества в трагикомедию.

Ключевые слова: писатель Сергей Хугаев, современная осетинская литература, юмористический рассказ, сатира, общество, нравственность, характер человека

Для цитирования: Техов Т.Т. И смешна наша жизнь, и грустна... (О трагикомическом в творчестве Сергея Хугаева) // Вестник Владикавказского научного центра. 2023. Т. 23. № 2. С. 43–45. DOI 10.46698/VNC.2023.34.74.001

And our life is funny and sad

(About the tragicomic in the work of Sergey Khugaev)

Tamerlan T. Tekhov

Literary, artistic and socio-political magazine «Mach Doug» («Our Epoch»), editor of the Department of Criticism and Journalism, Candidate of Philological Sciences, Vladikavkaz, Russia, tehtam@mail.ru

Abstract. People's Writer of Ossetia Sergey Khugaev made a worthy contribution to Ossetian literature. The article dedicated to the 90th anniversary of the classic of modern Ossetian literature analyzes samples of his satirical and humorous stories. Exposing the vices of society in them is relevant and close to a contemporary thanks to various artistic techniques, the author's extraordinary approach to a particular problem. Attention is also drawn to the philosophical understanding of reality through the prism of portraying insignificant, as it may seem, everyday life pictures, strokes in the character of characters who turn the life of society into a tragicomedy.

Keywords: Writer Sergey Khugaev, modern Ossetian literature, humorous story, satire, society, morality, human character.

For citation: Tekhov T.T. And our life is funny and sad (About the tragicomic in the work of Sergey Khugaev) // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. 2023. Vol. 23. No 2. P. 43–45. DOI 10.46698/VNC.2023.34.74.001

В канун славного 90-летнего юбилея народного писателя Осетии, поэта, прозаика, переводчика, литературного критика Сергея Хугаева увидели свет сборники поэзии и прозы, а также переводы его произведений на русский язык. Около семи десятков лет трудится автор на ниве служения родному осетинскому слову, и ему есть что сказать своему читателю. Большой жизненный опыт вместе с талантом философского и художественного осмысления действительности позволяют создавать произведения, герои которых реалистичны и узнаваемы. С течением времени могут меняться их мировосприятие и устремления, но неизменна почва, на которой взращиваются добро и зло, светлые и темные начинания. Из-за таких противоположных начал жизнь всегда смешна и грустна одновременно. Потому что в обществе всегда имеются дела и поступки, которыми горд человек, но не меньше и такого, что не делает ему чести.

Размышлениями о том, что помогает и, напротив, мешает развитию современного для писателя осетинского общества, исполнены юмористические рассказы, вошедшие в книгу «Вот так Хепа» («Гье, уый дын Хепа»), переизданную в значительно до-

полненном виде более чем через 30 лет после написания [1]. Читатель и исследователь творчества старейшего ныне писателя Осетии не могут не обратить внимание на такой вот «мост из прошлого» – в первом издании, датированном 1990-м годом, речь идет об обществе с советским укладом жизни, а издание 2022 года снабжено еще и рассказами о жизни-бытье в новой России. То есть представители «колхозно-заводского» периода соседствуют с поколениями-потомками, коим внушены «демократические» ценности.

Взгляд на совершенно, казалось бы, разные устои сполна убеждает в том, что в обществе мало что меняется. Бюрократов и иных, думающих исключительно о собственном благе, «хлебные места имеющих», меньше уж точно не стало, другие человеческие пороки также никуда не делись. Актуально и признание писателя-сатирика Михаила Задорнова, озвученное перед самым крушением образа жизни страны Советов: «Уже много лет писатели-сатирики борются с недостатками в нашей жизни, высмеивают бюрократов, карьеристов, приспосабливцев... Но все это, оказывается, бесполезно. К сожалению, с каждым годом их становится все больше и боль-

ше. Потому что никто из высмеиваемых персонажей, как показала практика, не узнает себя в сатирических и юмористических произведениях. Кого угодно: друга, начальника, соседа, знакомого, жену знакомого, знакомого жены... Но только не себя! А если присмотреться к себе, то в каждом из нас есть черты того, над кем мы смеемся» [2, с. 3–4]. То есть сатира с юмором не лечат общество, не исправляют тех, против кого они направлены. Зачем же трудятся последователи Салтыкова-Щедрина из века в век?! Да затем, чтобы эмоционально воздействовать на современника, подвигнуть его к тому, чтобы не взирал равнодушно на происходящее, осуждал неблагоприятное и тем самым по-задорновски «присматривался к себе».

Осетинский писатель Сергей Хугаев может клеймить, в зеркале комического показывая читателю как раз «черты того, над кем он смеется». Действительно не примеряя пороки к себе, но задумываясь о многом, благодаря национальному колориту, хорошо знакомым деталям быта и изображаемым типам с говорящими именами и фамилиями. Россыпь рабочих профессий от строителя и земледельца до сапожника и шляпника также позволяет окунуться в действительность, где мы не желаем видеть «неудобных мелочей», к устранению коих можем приложить руку.

Ну, вот что нам мешает протестовать против таких персонажей, как Хепа из рассказа «Вот так Хепа» («Гье, уый дын Хепа»), давшего название всей книге? Ушлый приспособленец, имя которого на осетинском языке напоминает просторечное «хепп» в значении «отрезать, отчуждать», назначен бригадиром... после растрат на складе. Председатель колхоза Саппой (на осетинском в значении «бестолково скачущий рысью») убедился, что и тут работа завалена. Наказание для Хепа – руководство маслобойней, затем – заведение птицефермой. Яркие фразеологические обороты, ирония и – «лейтмотив-восхищение» непотопляемостью вредителя народного хозяйства: «Вот так Хепа!». Явление, встречающееся сплошь и рядом, повергает в растерянность и уныние, но подобные «руководители» по-прежнему ценны и незаменимы.

Повествование могло бы стать основой для сценария короткометражного фильма или спектакля. В таком случае, думается, вникание потенциального сценариста в сюжет показало бы и некую симпатию автора к своему герою. Он ведь, ко всему прочему, воздает должное деловой хватке Хепа. Вопрос в том, что это похвальное свойство не направляется во благо обществу нерадивыми вышестоящими руководителями, не горящими желанием указать горельцу иное, верное направление. Перевоспитание трудно, но вполне возможно – вот в чем целенаправленная недосказанность сюжета небольшого рассказа. Читатель сам должен дойти до сути изъяна, мешающего созданию максимально справедливого, комфортного для жизни общества.

Подобная идея неосуществима даже отчасти, пока маленький человек стремится «вознестись» до бюрократа или клезуника-завистника, как герои рассказов «Темиркан» («Темырхъан») и «Ус Саукаха» («Саукъахы рихи»).

Как только Темиркан – настоящий труженик, щедро делившийся своим опытом с коллегами, стал заведующим цехом по пошиву головных уборов, работа застопорилась, потому как он превратился в бездушного начальника, озабоченного лишь приданием значимости своим многочисленным собраниям и планеркам. Каковы корни этого превращения, и почему герой, перефразируя русскую поговорку, «не украсил место», а принялся высасывать из пальца якобы имеющиеся недостатки в работе своего коллектива? Только ли в характере конкретного Темиркана дело, или же бюрократом ему подобных тружеников делает среда, в которой приходится жить и работать?

Те же вопросы, но относительно зависти и доносительства, зададим о Саукахе (в переводе с осетинского – «черная нога»). От рвения к «правдоисканию» у него комично отвисает ус, не желающий красоваться на лице, как то бывает у порядочного, способного порадоваться успехам окружающих людей. Стремление Саукаха постоянно строчить жалобы в Москву доходит до абсурда – появляется клеюза по поводу того, что приплод хавроньи завсклада составил 18 поросят. О благосостоянии колхоза заботиться обязан, а тут – процветание личного хозяйства. Смех, но... не только. Сауках жалок, низок, но занимает свою нишу трутня, бесполезно проводящего свое время и отрывающего от дела окружающих. Автор здесь созерцатель, не считающий, однако, клеузничество явлением, не подлежащим искоренению. Стать бы нам всем более отзывчивыми и понимающими, способными порадоваться успеху другого, и подобные саукахи сразу стали бы предметом искреннего публичного осуждения. Хотя надеяться на такое – тоже абсурд, ведь живущие рядом иногда далеки друг от друга, как находящиеся на разных планетах.

Точно так, как далек был от всего и вся много лет смотревший на мир из окна профессионального служебного автомобиля Тохсир («Эти необычные улицы» – «Ацы æнахуыр уынгтæ»). Лишившись этого блага, он блуждает по родному городу на трамвае, тщетно пытаясь отыскать дом дальнего родственника. От остановки до остановки перед глазами проносится жизнь, полная воспоминаний о несправедливо заработанных деньгах, умении выходить сухим из воды в любой ситуации. Ценностная шкала автора интересна параллелями с меняющимися по ходу трамвая улицами. Если жизнь прожита не так, как следовало бы в обществе людей, на склоне лет действительно приходится блуждать в тупиках и закоулках в одиночестве, хотя кругом полно тех, кого из кресла большого начальника и замечать-то было не с руки...

Парадокс, но в плане отдаленности от чаяний своих современников прозаседавшемуся мздоимцу Тохсиру не уступает и Тохболат («Вот это курица!» – «Уыцы карк, уыцы!»), как журналист, находящийся в гуще народа. На продолжительном отчетно-выборном собрании он отсидел добросовестно, но перед этим спрятал в подвернувшемся ящике бройлерную курицу, только что полученную в виде взятки за то, чтобы не критиковал в газете начальство. Ящик оказался урной для голосования, и после его вскрытия

всполошившаяся домашняя птица разметала бюллетени по всему залу. Всеобщий переполох из-за «ожившей» урны стал символом того, что не все ладно не в Датском королевстве (хотя, по мнению классика, там тоже), а в жизни забюрократизированного общества, в котором, вместе со своими героями, живет и сам автор...

Ярким национальным колоритом с теми же тревожными мыслями о состоянии общества отличается рассказ «Мускел» («Мускъел»). Выразительными штрихами («Головой вертел, будто она у него на смазанном маслом шарнире прикреплена») создан комичный образ Мускела, назначенного самим собой «штатным оратором» на похоронах. Именно при исполнении ответственного скорбного национального обряда выявляются лицемерие и пустота души героя, несущего околесицу и превращающего тем самым похороны в балаган. Мораль: проявлять себя следует по своим способностям, соответствующим положительным качествам, а не болтливостью и стремлением выделиться любым способом. Увы, именно подобной показухой и не подкрепленной конкретными делами самоуверенностью часто страдает общество, за которым зорко наблюдает мастер прозаического слова.

В конечном итоге читатель вместе с автором является свидетелем духовно-нравственного обеднения целых поколений. В рассказах «Муратбек и другие» («Муратбек æмæ иннæтæ») и «Книги» («Чингуйтæ») подобное обеднение происходит на фоне изображения жизни книжного издательства и богатых книгами полок домашней библиотеки. Антураж трагикомичен тем, что главный редактор издательства, казалось бы, призванный нести свет в массы обеспечением их интересной и качественной литературой, на деле – исключительный перестраховщик, приспособленец и карьерист, а книги в доме – только необходимое стильное дополнение к дороговому ремонту и мебели.

В первом рассказе радеющий за дело профессионал Муратбек бросает вызов нерадивому главному редактору Борыко: «Он губит книги талантливых писателей, разводя графоманство, так как пустопорожние описания представляются безопасными с идеологической точки зрения». Глас вопиющего в пустыне – правдолюбу Муратбеку надо подыскивать новую работу, а вредитель Борыко вот-вот пойдет на повышение, как Хепа, о котором идет речь в начале данной статьи.

Во втором рассказе предприимчивый Ахтол с женой закупают для полноты дизайна просторного зала в доме сто книг с красивыми корешками. Детям запрещено даже притрагиваться к ним – запачкают же! И только случайный гость обращает внимание

на то, что все книги – узкопрофессиональной медицинской направленности, и никакого проку для семьи торгашей от них нет.

Исчерпывающую полноту повествованию придает более чем выразительная детализация – любимым элементом антуража живущих на нечестно заработанные деньги «книголюбов» является картина со свисающими с ветвистых деревьев полчищами хохочущих обезьян. Вот вам и гоголевское «Чему смеетесь? Над собою смеетесь!». А картина с обезьянами, без сомнения, была бы любимым украшением и в домах других персонажей юмористических рассказов осетинского автора, так как они в искусстве понимают не больше, чем Ахтол.

Таким образом, известным прозаиком Сергеем Хугаевым создан свой самобытный трагикомический мир с характерными персонажами. По словам исследователя Мелитона Казиты, сатирико-юмористические рассказы вообще образуют в его творчестве отдельный большой пласт: «...осетинский читатель сразу их заметил, поскольку, хотя их мысль простирается вдалеке, к сердцу читателя он ищет коротких и доверительных путей, и находит их благодаря своему таланту и беспрестанному и радостному труду. <...> Самые убедительные художественные формы для вечных тем и вопросов он находит в нашей повседневной жизни, списывает их с осетинской природы. <...> Для них (юмористических рассказов. – Т.Т.) характерны абсолютные органичный национальный колорит и интригующий посыл. Они сами по себе свидетельствуют о том, что писатель полностью владеет материалом языка и жизни, и читатель сразу чувствует, что автор не обманет его ожиданий. <...> Юмор Сергея Хугаева – не результат праздномыслия и не средство развлечения, но особая форма философского осмысления жизни, – в том числе и главным образом нашей, осетинской жизни. Юмор в этом смысле выступает здесь неким катализатором «литературной реакции», большие вопросы и вечные темы он делает более доступными для читательского восприятия, так, чтобы мы могли увидеть жизнь крупным планом – со всеми ее правдами и кривдами, красотой и изъянами, добротой и жестокостью» [3, с. 21, 22, 23].

Философское осмысление жизни в проанализированных рассказах имеет место в виде обрисовки малозначимых, на первый взгляд, картин быта, штрихов в характере персонажей, живущих в скобоченном мире, никак не выравненном зеркалом сатиры и юмора. Стиль писателя-оптимиста таков, что акцент больше делается на комическом, с надеждой на перемены к лучшему. Так живет, чувствует и пишет мастер родного слова, внесший свой достойный вклад в национальную литературу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хугаев Сергей. Гъе, уый дын Хепа. – Дзæуджыхъæу: Литера, 2022. 434 ф. (Хугаев С. Вот так Хепа. – Владикавказ: ИПЦ «Литера», 2022. 434 с.)
2. Задорнов Михаил. Загадка голубой планеты. – М.: Советский

писатель, 1988. 272 с.

3. Казиты М.Р. Доброта и злоба дня: к поэтике юмористических и сатирических рассказов Сергея Хугаева // Вестник ВНЦ, 2018. № 2. С. 20–24.

REFERENCE

1. Hugaev S. That's so Hepa. – Vladikavkaz: CPI «Litera», 2022. 434 p.)
2. Mikhail Zadornov. Riddles of the blue planet. – M.: Soviet writer, 1988. 272 p.
3. Kazity M.R. Kindness and malice of the day: towards the poetics of humorous and satirical stories by Sergey Hugaev // Bulletin of the VNC, 2018. No. 2. Pp. 20–24.